

Александр Неклесса

Об авторе: Александр Иванович Неклесса – председатель Комиссии по социокультурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН, руководитель группы «Север – Юг» ЦЦРИ ИАФРАН.

«Исламское государство» как феномен государства-организации От государства-утопии к постсовременному акционизму

Мы не нанесли поражения идее; мы даже не понимаем эту идею.

Майкл Нагата, командующий USASF на Ближнем Востоке

Афразийская зона нестабильности, смута Большого Ближнего Востока перерастают региональные рамки, формируя новый геополитический пейзаж и лексикон. Но что драматичнее – меняется сутобо географическое прочтение процесса, обретающего глобальные пропорции и универсальное измерение. Наиболее ярко это проявилось в калейдоскопе ИГ (террористическая организация, запрещена в РФ), иракско-сирийские руины и *ингизяз* («временное отступление») которого – повод задуматься о перспективе, ретроспективе и сути мрачного явления.

«Исламское государство» – своего рода гордиев узел: матрица идентичности и политический феномен с неопределенным статусом, дополненный конъюнктурными геоэкономическими обстоятельствами. «Когда мы говорим об ИГ, нам не следует думать исключительно о долине реки Евфрат – это глобальная проблема. Мы воспринимаем ИГ в глобальном масштабе, и в таком контексте остатки физического халифата представляют собой лишь одно из его проявлений», констатировал на одном из недавних брифингов генерал Кеннет Маккензи, представитель Комитета начальников штабов ВС США. Действительно, ИГ – это не просто разветвленная подпольная организация, наподобие Аль-Каиды, а сложное сплетение явлений, намерений и ситуаций, рабочая модель некоего постсовременного конструкта.

Видимая часть комплексной конструкции, ее мигрирующая манифестация – распределенное множество зыбких, протееобразных но властно, милитарно и логистически организованных вилаятов, лояльных подвижному центру (nexus). К региональным сцеплениям, эклектичным союзам (hubs) примыкают «серые» зоны идеологической оккупации, многообразные мобильные взаимосвязи, виртуальные и антропологические сети (nets), «спящие ячейки», невидимые бригады (nests), скрытые в волнах мигрантов и беженцев, растекающихся по планете, иницируя образования (startups) с различной судьбой, в разных частях планеты. Трансграничное население конфессионально и политически сопряженной общности обитает в рамках собственного понимания должностований истории. Их моделирование практики – вне кокона политкорректности и воплощается в прямом действии: предъявлении *urbi et orbi* не опыта критической рефлексии, но провокативной, лишенной сантиментов акции.

Поражает «тефлоновый» характер феномена, его эволюционные возможности, способность к выживанию и адаптации, растворению и конденсации. Колоссальные усилия по санации очевидным образом приносят результат, но подобно лернейской гидре

– на месте одной зачищенной территории образуются новые, порой в дальних регионах и на других континентах.

Усиливаются опасения относительно производства инновационных форм терроризма «халифатом в изгнании»: безжалостного применения кибер-оружия, развития аутсорсинговой модели uber-терроризма, синхронизации самопризванных и персонально мотивированных «солдат халифата» с массовым использованием объектов двойного назначения. Или потенциальных возможностей истишхади и ингимаси как антропологического оружия, нетаргетированной информационно-смысловой волны, культур-шока как стратегии уничтожения культурного наследия уже не в Афганистане, Пальмире или Мосуле, а непосредственно на территориях евромира, подрывая символический капитал современной цивилизации. Обретение же экстремист-футуристами высокотехнологичных инструментов, перманентно производимых техногенной цивилизацией, модификаций ОМП либо аналогичных по мощи средств при отсутствии у ИГ стандартных опасений относительно ответного удара, способно существенно повлиять на режим безопасности на планете и характеристики силового противостояния в целом.

Неоархаика в сценографии постмодерна

Как ни парадоксально, суть феномена, помогают прояснить «темные строки истории», позволяя точнее моделировать и футуристические горизонты.

Динамичная, территориально распределенная реальность «Исламского государства» не является характерным для Нового времени форматом национальной государственности, по-своему отражая кризис данного института. ИГ может рассматриваться как неоархаичный и одновременно постсовременный извод особой полит-конструкции – *государства-организации*, чьи характерные черты: обязательная к исповеданию конфессия или идеология, утверждаемая властной оргструктурой и номенклатурой; культ лидера; утопизм претензий и глобальность притязаний; нетерпимость к инакомыслию, преследование диссидентов, уничтожение наследия иных культур. Возникающие в разрывах политического текста *травматические инклюзии* проявляют подобные тенденции, представляя феномен в становлении с различной степенью завершенности. Взаимоотношения же с внешним миром не ограничиваются охранительным консерватизмом, демонстрируя подчас наступательный футуризм.

«Исламское государство» – впечатляющий вызов современным ценностям, однако, что не вполне очевидно – это еще своеобразный формообразующий постмодернистский акт. В согласии с канонами общества спектакля эластичная реальность ИГ может интерпретироваться и как квази-исторический симулякр с головокружительной ретроспективой, и как социальный демарш против меланхолии цивилизации – своего рода реконструкция агрессивно-эскапистских грез в стилистике à la «Дюна» («фримены, свободные от лжи и иллюзий»). Представляя, таким образом, контркультурный фетиш, актуальный бренд и глобальное предприятие, т.е. специфическую конструктивно-деструктивную корпорацию, реализованную в исламо-ориентированной среде, но с универсальным потенциалом, мобилизационными кодами, не слишком зависимыми от реалий «Исламского государства» и его будущей судьбы.

Присущие ИГ активизм, акционизм, футуристичность, элементы франчайзинга, «исламистского коммунизма», вкупе со спорадически вылетающими из его чертогов

«черными лебедями», – все это находит отклик у людей, фрустрированных современностью, особенно молодежи. Деятельная метафизичность устремлений, наличие значимой цели, коллективная суверенность и субъектность оказываются предпочтительней участи прагматичного индивида-объекта.

Макабрическая версия «путешествия на Восток», перехватив эстафету у христианской миссии, левого и правого радикализма, треволнений Нового века схожим образом верифицировала статус миражами исторического прорыва. Мыслится она симпатизантами и прозелитами как исход из постылого существования – экзистенциальный опыт и конвертация отчуждения в активное культур-конфессиональное сообщество, обладающее отличными от мейнстрима картами будущего. Синтез массовой инициативы с отвращением-притяжением к миру гламура сублимирует отверженность в избранность, изгойство в персональный героизм, маргинальность – в холодок фронта. Продвижение к универсальному джихаду прочитывается как личностный и социальный переворот, сакрально мотивированное обновление собственной судьбы и траекторий мира.

Соединение постсекулярных претензий с атмосферой постсовременного креационизма стимулировало рост иностранцев-боевиков в рядах ИГ. Перед иракским и левантийским разгромом их численность оцениваясь примерно в 30 тыс. человек из 86 стран, включая примерно 5 тыс. из России. В противоположном направлении устремлен людской поток преимущественно из Сирии и Северной Африки, вливший за последние годы на территории Старого Света несколько миллионов беженцев.

Воплощение утопий

Феномен ИГ в значительной мере исламский постольку, поскольку реализуется в исламском мире и анализируется соответствующим образом. Но экзотичная оболочка подчас скрывает сущностные черты, опознание которых – задача аналитики. Ретроспективный анализ позволяет формулировать предположения и фокусировать прогнозы, рассмотрев аналогичные в чем-то процессы, уже разыгранные историей на других подмостках и в иных одеждах как кейсы бродячего сюжета.

Генезис больших исторических проектов нередко совмещался с попытками воплотить утопию как идеологическую оккупацию, реализуемую посредством организованного насилия. Именно утопизм стимулирует экстремизм в стремлении к земной реализации идеала. Транслированная в партийность, утопия становится средством легитимации тоталитарной структуры управления. Сопрягая же форсированную устремленность к торжеству своего идеала с нетерпимостью к иным воззрениям, утопизм породил химеры. Его адепты подобно Виктору Франкенштейну пытались сшить идеальное тело из плоти многочисленных жертв, уничтожая «враждебных других» той или иной природы.

Взрывчатая смесь фрустрированной мысли и футуристичной практики возникала в различных обществах, объем статьи позволяет упомянуть лишь несколько «пустот, которые зло создает в наших сердцах и нашей истории» (папа Франциск), относящихся к разным регионам и культурам. В списке *конфессионально-ориентированных утопий*, вероятно, следует упомянуть «творимую легенду» ордена ассасинов – низаритов-хашишейя, организация и действия которого содержат яркие параллели с практикой

«Исламского государства». Однако феномен утопичной пара-религиозной государственности не является исключительным достоянием исламского культурного круга. Так, например, заря Реформации в *Universum Christianum* была схожим образом окрашена утопизмом в кровавых тонах: табориты Яна Жижки и пикарты, «движение башмака», крестьянская война в Германии...

Ряд характерных черт теократической государственности *Исламского государства* можно разглядеть в истории становления и упадка *Анабаптистского государства* (Täuferreich) – Мюнстерской коммуны, соединившей в политическое сообщество местных и пришлых единоверцев вкупе с тоскующими о будущем изгоями и неофитами, привлеченными радикальностью переворота. «Новый Сион» с харизматичными лидерами (*пророками*), идеологическими комиссарами (*апостолами*), организаторами (*конспираторами*), пропагандистами (*проповедниками*), провозглашался «реституцией христианского учения, веры и жизни». Возникло теологическое и политическое предприятие, предложившее радикальное и одновременно редуцированное решение проблем земного мироустройства в виде Христианского царства (Christendom) как версии «халифата» во главе с земным правителем.

Мюнстер стал городом-государством, инспирировавшим множество подвижных филиалов, связанных воедино пропагандой строительства Царства Божия на земле и претензией на глобальную власть: его эмблемой был земной шар со скрещенными мечами. По мере извлечения моральных стержней из человеческого реактора, планировались восстания в других городах, множились автономные вооруженные бригады, велась пропаганда и вербовка сторонников во внешнем мире, параллельно с истреблением «безбожников» и чистками во внутреннем круге. Заодно уничтожались «неправильные» религиозные и культурные объекты: храмы, скульптуры, картины, книги, рукописи. Вводились специфические институты: общность имущества и многоженство (при обязательности замужества), практиковалась смена имен на изобретаемые новые, ставились публичные агитационные спектакли, проводились демонстрационные казни. Происходило испытание альтернативного будущего, создаваемого насильем в искаженной и все более деформируемой среде.

Размышляя о параллелях, связанных с *национальными движениями и отрицанием западной культуры*, можно вспомнить возникшее на пороге прошлого столетия в колонизируемом и балканизированном Китае движение ихэтуаней. Пронизанный магизмом и фанатизмом людской поток, адаптировав под свои нужды религиозно-мистические ритуалы, заимствованные у традиционных сект, охватил тогда огромную территорию, в какой-то момент восставшие фактически овладели имперской столицей. Сеть подпольных ячеек и боевых отрядов превратилась в легальную военно-политическую конструкцию, особенно после достижения договоренностей с официальной властью – правительством императрицы Цыси. Объединяющим признаком пестрого мистико-националистического сообщества полевых командиров, напоминающего нынешние антиевропейские изводы, наподобие Боко Харам, была активная неприязнь ко всему иностранному и массовое, поголовное уничтожение иноверцев-христиан независимо от этнического происхождения. Процесс, однако, не достиг логического завершения, будучи прерван усилиями военной коалиции восьми стран Запада и Востока.

О своем видении исторических горизонтов заявила в начале XX века группа отцов-основателей *идеологически мотивированной утопии* – футуристичного образования

потенциально глобальных пропорций, целью которого было «объединение трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику» (Конституция 1924 г.). На территории бывшей Российской империи утвердился режим с обязательной к исповеданию гражданской религией, суверенной системой ценностей и специфической моралью. Тоталитарная конструкция управлялась политическим оксюмороном – «единственной партией» в качестве «ядра государственных организаций» (Конституция 1936 г.). Миражи новой эры быстро окрасились в багровые тона. Практика красного террора, унаследовав худшие черты якобинской диктатуры, придавала репрессиям больший масштаб и обезличенный характер, направленный на сей раз против «буржуазных элементов». А с течением времени вовлекла в гибельную воронку и другие социальные группы, национальные сообщества. В период «большого террора» сотни тысяч были расстреляны вообще без судопроизводства «в порядке административного проведения дел через тройки» согласно региональным лимитам.

Перечень политорганов, внедрявших «новую нормальность», физически и морально уничтожая людей, диссонирующих с очередной утопией, данными примерами не исчерпывается. Достаточно вспомнить практику эвтаназии и Холокост в летописи Ordnung'a, вычеркнутого из истории антигитлеровской коалицией. Или эксперимент красных кхмеров по воплощению «стопроцентного коммунистического общества», прерванный интервенцией внешней силы (армии Вьетнама).

Токсичная государственность

Социальная вселенная переживает транзит в неравновесное, возможно перманентно подвижное состояние. Трансформируется система мировых связей, появляются слабо-формализованные игроки, состояются инновационные формы организации.

Расширилась номенклатура внешнеполитических организмов: мировые регулирующие органы, страны-системы, государства-корпорации, субсидиарные автономии и сепаратистские образования, геоэкономические интегрии, влиятельные сообщества, конституирующие de facto новый тип политорганов – власть вне привычных форм государственности. Обновляются международные регистры: к размежеванию на страны развитые и развивающиеся добавились другие оценочные категории – государство несостоявшееся, мафиозное, государство-изгой etc. Предельные рубежи складывающейся системы: постсовременное трансграничное сообщество (Новый Север) и территории неоархаизации (Глубокий Юг), отмеченные метастазами культуры смерти и контролируемые полевыми командирами, живущими за счет трофейной экономики.

Один из векторов глобальной трансформации – субсидиарность: добровольное или вынужденное делегирование полномочий на региональный либо местный уровень. В цивилизованных формах это повышение статуса автономий: Шотландии, Квебека, Басконии и т.п. Другое проявление децентрализации – радикальный сепаратизм: появление государств с непризнанным или ограниченно признанным суверенитетом. На территории постсоветского пространства список не так уж мал, включая Абхазию, Южную Осетию, Карабах, Приднестровье, ДНР, ЛНР.

В XX веке феномен государства-организации пережил расцвет как следствие этатистской эмансипации: демонтаж континентальных империй произвел на свет

множество национальных государств, в которых партийный аппарат, руководивший борьбой, получал доступ к власти. Версальский эксперимент создал от Балтики до Черноморского побережья и далее к Адриатике геополитический пейзаж с дюжиной новых стран, протянувшихся цепочкой от Финляндии до сообщества южнославянских наций. В афразийской зоне рождение национальных государств было предопределено чересполосицей подмандатных территорий. Следующим актом исторической драмы уже после II мировой войны стала деколонизация морских империй. Осколки постимперской деколонизации порою достигал особый, «девятый» вал деконструкции, они оказывались во власти догоняющих волн этнонациональных конфликтов, разрушавших на сей раз локальных империалистов. Состоявшееся национальное государство сковывает подобные тенденции, формируя политическую нацию, кризис идентичности высвобождает их. Провалы в государственном строительстве, смыкаясь с трещинами мироустройства, могут вести к ограниченному обрушению цивилизации.

Травматические инклюзии опознаются не только в исторической ретроспективе, но и в актуальном миростроительстве. Вспоминается драма распавшейся в 90-е годы Югославии – наследницы постимперской чересполосицы лимитрофов Австро-Венгерской и Османской империй. Боевые действия, геноцид, деструкция были остановлены внешними усилиями в том числе на основе Дейтонских соглашений, предполагавших активную пасификацию. А затем, в случае с Косово, путем применения и более серьезных мер военного характера, итогом чего стало окончательное умиротворение Балканского региона.

Специфические черты ИГ, возникшего на постосманских территориях, можно сопоставить с миражом Новороссии в постсоветском космосе, также привлекавшим извне прозелитов и симпатизантов. Перерождение фундаментализма «русской весны», ориентированного на воплощение «Советского Беловодья», произошло, однако, за короткий срок, заместившись характерными для непризнанных образований правовыми деформациями и коррупционно-криминальной активностью. Первоначальный состав идейно мотивированных лидеров был изгнан, отозван, коррумпирован или уничтожен, а декларированные идеалы и ностальгические устремления оказались сырьем для демагогии, пропаганды, внешних манипуляций.

Исторические трансформации чреваты как появлением иного порядка, так и системной хаотизацией. Те или иные формы сомализации можно наблюдать в разных местах планеты. Кризис переживают территории, захваченные культурой Модернити, но симулировавшие институты национального государства без воссоздания его основы – гражданского общества. Список проблемных ареалов – летопись перипетий национального строительства, он включает САДР, Азавад, Восточное Конго, Дарфур, Сомалиленд, Газу, Азад Кашмир, Вазиристан, «зону племен» в Пакистане, Ва, Шан – на севере Маньямы, «золотой треугольник» на Индокитайском полуострове, другие «золотые земли» и т.д.

Траектории будущего сопряжены с критическими обстоятельствами, ставя под сомнение привычные ориентиры. Бурлящее многолюдье, заместив решительностью установления современности, переписывает сценарии футур-истории, используя опыт поколений, но руководствуясь собственной аксиологией. Во взаимосвязанном мире региональные турбулентности способны вызывать каскадные процессы, вовлекая возрастающее число участников и предвещая радикальные перемены.